

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ И ДИСКУРСИВНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПАМЯТИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)

Статья написана при финансовой поддержке РФФИ (проект 15-04-00068 «Функционально-семантический потенциал глагольных коллокаций памяти при формировании образа прошлого в российских и германских СМИ»).

Излагаются результаты исследования репрезентации феномена памяти глагольными коллокациями русского и немецкого языков, функционирующих в германских и российских СМИ, и изучения специфики манифестации коллективной памяти в медиадискурсе двух лингвокультур при формировании ценностного отношения к прошлому посредством его интерпретативной реактуализации. Выявляются общие и национально-специфичные закономерности лексико-семантической и дискурсивной репрезентации феномена памяти.

Ключевые слова: глагольные коллокации; репрезентация; память; дискурс СМИ; образ прошлого.

1. Введение. Роль памяти в процессах адаптивного поведения человека, сложность и многомерность данного феномена, его соотнесенность с ключевыми философскими категориями (сознание, время, пространство) обуславливают огромный и неослабевающий интерес к памяти в рамках самых разных сфер знания. Память функционирует в собственном времени и пространстве, при этом, в отличие от их физических коррелятов, мнемоническое время характеризуется повторяемостью и обратимостью, а мнемоническое пространство – семантической природой и нелинейностью [1].

Язык в своей когнитивной и коммуникативной функциях является важнейшим средством манифестации функционирования памяти, память и язык объединяются принципом семиозиса, средой существования и способом организации знания [2–4]. Учитывая вышесказанное, а также социальную, коммуникативную, реконструктивную и интерпретативную природу и этнокультурную обусловленность памяти, лингвистика способна внести весомый вклад в ее осмысление, изучая память через призму языка, как денотат, концепт, семиотический механизм, фрагмент языковой картины мира или дискурсивный конструкт (см. Д.Ю. Апресян, Н.Г. Брагина, М.А. Дмитриевская, А.Н. Павленко, Л.Н. Ребрина, О.Г. Ревзина, М.Г. Сабашова, Н.В. Скоромылова, В.В. Туровский, Е.В. Урысон, О.В. Шаталова, О.В. Щиленко, А. Kerper, A. Linke, H. Weinrich и др.).

Мы исходим из понимания памяти как открытой, саморегулирующейся системы процессов, нацеленных на накопление и организацию информации, которая функционирует как информационная, когнитивная динамическая структура на основе взаимодействия субъекта, объекта и окружающей среды, где объект социально или личностно значим (индивидуальный, коллективный прошлый опыт), а субъект – единичный или множественный (совокупный).

Несмотря на наличие определенной исследовательской парадигмы, на данный момент отсутствуют сопоставительные комплексные исследования языковых моделей и закономерностей репрезентации памяти в разных лингвокультурах на уровне языка и речи; недостаточно исследованы языковые аспекты функционирования отдельных подсистем памяти. Проблематика работы помимо указанных аспектов включает

и такие важные лингвистические вопросы, как когнитивная и волюнтативная функции языка, семантическая схематизация опыта, синтагматика и формирование значений сверхсловных единиц, воздействие в массовой коммуникации.

2. Методология исследования. При проведении исследования используется фрагмент разработанного нами ранее алгоритма интегративного подхода к лингвистическому изучению категории памяти [5], опробованного на материале немецкого языка. В рамках данной работы уточнен состав глагольных коллокаций памяти немецкого языка с учетом статистических параметров, представляемых корпусным менеджером DWDS; расширен анализ структурно-семантических, синтагматических и парадигматических признаков коллокаций; дискурсивный анализ дополнен описанием реализации разных форм воздействия (убеждение и внушение), диспозиции сообщений и продуктивности схем выдвижения в германских СМИ; выполнен сопоставительный анализ на материале двух языков, что в совокупности позволило получить новые данные об общих и этноспецифичных характеристиках лексико-семантической и дискурсивной репрезентации данного феномена в немецко- и русскоязычной лингвокультурах.

И. Ввиду динамичности памяти ее сущностные свойства наиболее полно отражаются глагольными единицами, называемыми мнемическими процессами. Закономерности лексико-семантической репрезентации памяти изучаются нами на материале глагольных коллокаций (ГК) памяти. Данные единицы были извлечены из публикаций СМИ Германии и России, нацеленных на формирование определенной (детерминируемой современными потребностями социума) картины прошлого. Ключевыми словами в анализируемых коллокациях являются лексические единицы (ЛЕ) семантического поля «Память». Реализуемый коммуникативно-функциональный подход позволяет исследовать соотнесенность групп ЛЕ с объектами внешней среды – со сферой сознания и коммуникации. Использование лингвистических корпусов, обеспечивающих объективность анализа благодаря репрезентативности, типичности и полноте представления языковых фактов в естественном контексте, делает возможным привлечение большого объема данных и количественных методов.

ГК являются неслучайными, статистически устойчивыми сочетаниями ЛЕ, актуализирующих тенденцию к совместной встречаемости. Они реализуют отличающийся от однословных единиц способ номинации, характерный для конкретного типа текстов [6–9], и адекватно отражают современный языковой узор. ГК памяти представляют собой воспроизводимые единицы, отличающиеся осложненным способом выражения содержания. Данные конститuentы функционируют как целое, образуемое компонентами, сохраняющими семантические доли в составе общего значения коллокации, и характеризуются ограниченной сочетаемостью [6, 9]. ГК, как единицы вторичной номинации на основании допущения о подобии (на что указывает модус фиктивности, используемый при толковании их значения), генерируют дополнительное, выводное знание о денотате, наглядно моделируют денотативные ситуации [6, 7, 10].

Анализируемые русскоязычные и немецкоязычные ГК памяти отобраны на основе статистических параметров (меры ассоциаций $\log\text{Dice}$, $MI \log \text{Freq}$, $\text{Log-likelihood score}$, частотность) из исследовательских лингвистических корпусов с морфосинтаксической разметкой (немецкоязычный корпус DWDS и русскоязычный корпус Университета г. Лиде). Меры ассоциаций отражают соотношение частоты именного и глагольного компонентов в соответствующем корпусе и частоты их совместной встречаемости, контекстно-связанных (зависимых) и независимых частот.

Описываемые ЛЕ представляют собой аналитические сочетания, что проявляется в их контекстуальности, а также в осознаваемой семантической и модификации отвлеченности значения и глагольного, и именного компонентов [11. С. 20–21]. Синтагматические связи статистически устойчивых словосочетаний заданы предметно-логически, обуславливаются семантическими долями компонентов, их референцией, внутренней формой ГК.

Анализ структурных, синтагматических, семантических и парадигматических признаков ГК памяти позволяет сделать выводы об элементах языковой модели памяти и о типичных чертах ее репрезентации. Выполненные исследовательские мероприятия включают:

а) определение структуры словосочетания (простая; сложная, т.е. включающая дополнительные синтаксические связи помимо связи коллоката и ключевого слова); количества компонентов; значения падежных форм именных компонентов [12];

б) характеристику ГК как объектных (описывают действие, направленное на объект) или субъектных (направленность на субъект, ЛЕ могут быть одно- и двусубъектными, предполагая одушевленный и / или неодушевленный субъект); как внутренне переходных (включение в состав беспредложного винительного падежа в позиции прямого объекта) или внешне переходных (сочетаемость ГК с прямым дополнением) [Там же. С. 16–18];

в) описание образуемых коллокатом или ключевым словом серий ГК (серия – совокупность коллокаций с повторяющимся именным или глагольным компонентом, объединяющихся способом схематизации

представлений об объекте номинации) [11]; определение структурно-семантических моделей ГК (схематизированные инварианты корреляций формальных и семантических признаков) [13. С. 84–85];

г) анализ предметно-тематических кодов (лежащие в основе переносной номинации сферы отождествления, к которым принадлежат конкретные образы) [14]; прагматических компонентов лексического значения ГК (ассоциативно-образное основание, оценка).

Из названных корпусов были отобраны немецко- и русскоязычные ГК памяти. Объем выборки составил около 600 единиц. При этом структурные особенности языков (например, специфика системы склонения, свободный / несвободный порядок слов и, соответственно, дистантное / недистантное расположение ключевого слова и коллоката / частей коллоката и пр.) обуславливают степень релевантности мануальной проверки результатов выборки.

Коллокаты (глаголы) в отобранных глагольно-именных словосочетаниях сочетаются со следующими ключевыми словами:

а) в русском языке – лексемы, обозначающие квазиорганы памяти (соматизмы *мозг, голова, глаза, сердце, уши, язык*), объекты операций памяти (*прошлое, воспоминания, время, история*), способность забывать / помнить (*память, воспоминание, забвение, забывание*), результирующие признаки, процессы или состояния объектов (*бессмертие, бессмертность, вечность, увековечивание, небытие*);

б) в немецком языке – ЛЕ, называющие квазиорганы памяти (соматизмы *Vergessen, Kopf, Auge, Hinterkopf, Ohr, Lippe, Gehirn*), объекты операций памяти (*Erinnerungen, Gedanken, Zeit, Vergangenheit, Gestern, Geschichte* и др.), способности (*Denken, Gedächtnis, Erinnerung, Andenken, Gedenken, Sinn*), признаки и состояния объектов (*Vergessenheit, Ewigkeit, Unsterblichkeit*).

II. Второй этап исследования сопряжен с изучением используемых в германских и российских СМИ стратегий и тактик формирования образа прошлого и с определением закономерностей дискурсивной реализации коллективной памяти (КП) в двух лингвокультурах. Интерпретация прошлого и формирование ценностного отношения к прошлому – важная задача общественных коммуникационных систем государств, целенаправленно конструирующих исторические оценки для решения актуальных политических задач. Предъявляемое и транслируемое СМИ массовому адресату видение прошлого обуславливается актуальными потребностями и может быть нацелено на поддержание национальной и групповых идентичностей, общественную консолидацию; последовательное, гармоничное соединение событий, ценностей прошлого и существующего строя; создание желаемого образа настоящего. Данные задачи решаются посредством реактуализации и реинтерпретации фрагментов КП [15].

КП понимается нами в рамках теории социальной коммуникации как социально конструируемый феномен, движение социальных смыслов в социальном пространстве и времени [16]. Выполняя интерпретативную и селективную функции, КП предусматривает совокупность действий социума по символической

реконструкции прошлого как объекта нравственной рефлексии [17–19] и манифестируется в дискурсивных практиках посредством релевантных стратегий и тактик [20–24].

В рамках коммуникативного действия «управление», характеризующегося субъект-объектным отношением адресанта и адресата, смысловое взаимодействие осуществляется в форме внушения или убеждения, что предусматривает, соответственно, обращение к подсознанию или сознанию адресата. При этом осуществляется «тиражирование», «внедрение» трансформируемого образа прошлого посредством «упаковки» смысла в содержание для его последующего присвоения адресатом как готового, собственно-го знания. Воздействие чаще всего направлено на снижение осознанности и критичности восприятия, редукцию анализа связей предъявляемого содержания с прошлым и настоящим адресата, на изменение когнитивной и аксиологической составляющих образуемого коммуникативного пространства.

Интерпретативная реактуализация содержания КП предполагает применение обусловленных целевыми установками стратегий позитивной, негативной и десенсибилизирующей презентации прошлого, тактик формально-логической аргументации (база – логические выводы и фактические данные), психологической аргументации (база – этические, эмоциональные доводы) и композиционных тактик (учитывают механизмы внимания и восприятия, используют возможности диспозиции) [25]. Композиционные тактики нацелены на модификацию информационной структуры сообщений в соответствии с теорией выдвижения путем создания маркированных позиций в сообщении, например с помощью конвергенции, градации, сцепления, а также нарушения градации или сцепления [26].

3. Результаты.

I. Выполненный анализ структурных, синтагматических, семантических и парадигматических характеристик ГК памяти, функционирующих в российских и германских СМИ, позволил выявить закономерности лексико-семантической репрезентации памяти, данные конститuentами в двух лингвокультурах.

К общим характеристикам языковой репрезентации названного феномена мы относим:

1. Исследуемые парадигматические объединения ГК: а) имеют схожую внутреннюю структуру организации, отвечающую выделяемым базовым мнемическим процессам (четыре подгруппы – воспроизведение, хранение, запечатление, утрата информации в памяти; наличие микрогрупп ГК, обозначающих каузацию перечисленных операций памяти); б) характеризуются асимметричностью лексического представления соответствующих ситуаций, одинаково широкой репрезентацией операции воспроизведения информации в памяти (в русском языке количественный состав подгруппы «воспроизведение информации в памяти» составляет около 55% от общего числа всех извлеченных ГК, в немецком языке – около 46%) и наименьшей лексической представленностью операции хранения информации в памяти (в русском – около 9%, в немецком языке – около 8% от совокупного количества ГК).

2. Оба лексических подмножества включают, помимо глагольных, большое количество именных серий ГК, что свидетельствует о значимости событийно-процессуальной составляющей в языковой модели памяти (пример серии в русском языке – *уходить / кануть / отойти / погружаться / возвращаться в прошлое*; в немецком языке – *durch den Kopf geistern / fahren / schießen / ziehen*). Наличие серий указывает на регулярность семантических переносов и возможность моделирования ГК посредством соотнесения их семантических и структурных признаков и последующего схематичного представления инвариантов получаемых корреляций. Выполненное структурно-семантическое моделирование ГК позволяет определить базовые элементы языковой модели памяти, в частности локализацию, а именно указание на источник, направление, конечную цель как один из элементов модели (наряду с субъектом, объектом, собственно процессом / действием / состоянием). На материале обоих языков выделены такие структурно-семантические модели ГК, как, например, «перемещать куда»; «перемещать откуда»; «перемещаться где»; «перемещаться куда»; «не перемещаться откуда»; «быть где»; «иметь где»; «совершать действие где» и др.

3. Среди анализируемых русско- и немецкоязычных ГК преобладают внешне непереходные коллокации (например, *вертеться в голове, гордиться прошлым, покончить с прошлым; das Gedächtnis auffrischen, aus Gedächtnis schwinden, im Gedächtnis verbläßen*).

4. Для репрезентации процессов памяти глагольными коллокациями релевантна концептуальная интеграция ментальных и физических ситуаций. Представления о денотативных ситуациях схематизируются посредством соответствующего семантического переноса – уподобления движению или действию над объектом (например, *всплывать в памяти, приходить на память, вернуться из забвения, ворошить прошлое, будить воспоминание, восстанавливать память; in den den Sinn / Kopf kommen, in die Vergangenheit eintauchen, Vergangenheit begraben, Erinnerung(en) streichen / auslöschen / löschen*). При этом имеет место трансформация отвлеченности собственных значений глагольного и именного компонентов посредством использования модуса фиктивности. Значение именного компонента становится более конкретным, а глагольного – менее конкретным. Например: 1) *возвращать из забвения (что-либо)* означает «вспоминать: заставлять объект (содержание воспоминания) переместиться откуда-то на прежнее место (из забвения в память), как если бы объект был активным и мог сам передвигаться, а забвение и память были бы некоторыми разными пространствами»; 2) *изглаживаться из памяти* означает «забываться, исчезать из памяти, как если бы память была некоторой поверхностью, а ее содержание – некоторыми объектами, оставляющими на ней след, и теперь эта поверхность выравнивается, следы исчезают»; 3) *Erinnerungen austauschen* означает «делиться воспоминаниями: осознанно воспроизводить информацию и сообщать ее кому-либо, как если бы воспоминания были предметами и ими можно было бы обмениваться»).

5. Функции падежных форм в русско- и немецкоязычных ГК заключаются, прежде всего, в указании

на объект или локализацию: например, *скрывать / отпустить прошлое, уходить в забытьё; Erinnerung vertreiben, aus Vergessenheit aufsteigen*).

6. Анализ сфер отождествления, обуславливающих номинацию, указывает на преобладание пространственного, предметного, персонифицирующего тематических кодов, например: *уходить из памяти; потерять память, убивать память; in Erinnerungen schwelgen, Erinnerungen ausgraben, Erinnerung erwecken, Erinnerungen verscheuchen*.

7. ГК отражают амбивалентность ценностного отношения к памяти в двух лингвокультурах. Анализ прагматического компонента значения ГК показывает, что при схожих аспектах и мотивах оценки (память – нечто важное, нужное, желанное, мешающее, опасное, надежное, ненадежное, доставляющее приятные или неприятные ощущения или переживания, интенсивное, неконтролируемое, неупорядоченное и пр.) память может получать как положительную, так и отрицательную оценку. Например: *читать / уважать / беречь память, жить / дышать памятью, доверять воспоминаниям, осквернять память, мучиться / терзаться воспоминаниями, память изменяет; sich an die Erinnerungen klammern, an Vergangenheit hängen, den Erinnerungen nachhängen; von Erinnerungen zehren / leben, im Kopf hämmern, in die Vergangenheit flüchten*.

Перечисленные характеристики свидетельствуют о реализации в немецкой и русской лингвокультурах схожих способов оязыковления представлений о памяти; о преобладающей антропометричной пространственно-деятельностной интерпретации процессов памяти; о регулярной апелляции к физическому миру и соответствующему опыту носителей языка и совпадающих элементах языковой модели мнемических процессов.

По результатам анализа были выявлены специфические характеристики языковой репрезентации памяти в двух лингвокультурах.

а) Немецкий язык характеризуется большей степенью семантической дифференциации при номинации мнемических процессов, что обуславливается значительным превосходством в количественном отношении парадигматического объединения немецкоязычных ГК памяти по сравнению с русскоязычными ГК. Как следствие в семантической структуре значения немецкоязычных ГК содержатся дополнительные дифференциальные семантические признаки, указывающие на характер субъекта, объекта, оценку объекта, характер процесса / действия / состояния.

Операции утраты и запечатления информации в памяти отличаются разной степенью лексической представленности, свидетельствующей о значимости для лингвокультуры соответствующих ситуаций. В немецком языке подгруппа «утрата информации из памяти» – вторая по количеству конститuentов (около 26%), в русском языке – после ситуаций воспроизведения информации в памяти – наиболее лексически представлена операция запечатления информации в памяти (около 22%).

б) ГК памяти в русском и немецком языках различаются степенью релевантности определенных синтагматических характеристик. Например, среди русскоязычных ГК превалируют субъектные коллокации,

что указывает на преобладающую интерпретацию операций памяти как активных действий или состояний субъекта или же как произвольных, неконтролируемых действий самих объектов (*жить в памяти, тосковать по прошлому, оглядываться в прошлое, врезаться в память, вставать перед глазами, откладываться в памяти и мн. др.*).

в) Ключевые слова демонстрируют разную активность при образовании серий ГК, свидетельствующую о важности соответствующих понятий при репрезентации процессов памяти. В немецком языке наибольшее количество серий образуют именные компоненты *Gedächtnis, Erinnerung*, в русском – *память* и *прошлое*.

г) Лексико-семантическая репрезентация памяти в русском языке характеризуется меньшей ролью указывающих на квазиорганы памяти соматизмов, меньшей частотностью анатомического тематического кода по сравнению с группой немецкоязычных ГК. При этом, однако, в отличие от немецкого языка в русском языке в качестве квазиоргана памяти может выступать *сердце* (*оставаться / хранить в сердце, оставаться сердцем с кем-либо*). Для носителей немецкого языка *Kopf, Ohr, Auge* являются наиболее релевантными метафорическими квазиорганами памяти.

II. Анализ отобранных из газетных корпусов немецко- и русскоязычных контекстов, иллюстрирующих реализацию разных стратегий при реактуализации фрагментов коллективного прошлого (стратегии негативной, позитивной, деактуализирующей презентации), позволил сделать вывод о закономерностях дискурсивной реализации КП в указанных лингвокультурах.

Определены общие черты, характеризующие обращение к двум формам воздействия – убеждению и внушению – в соответствующих дискурсивных практиках СМИ, нацеленных на воссоздание определенной картины прошлого. Убеждение предполагает обращение к рациональной сфере адресата и соответствующую аргументационную базу. И в германских, и в российских СМИ при реализации убеждения наиболее частотна апелляция к фактической аргументации, что объясняется ее большей наглядностью и достоверностью. Логические построения и уловки сопряжены с дополнительными усилиями адресата для оценки предъявляемых адресантом доводов и поэтому менее релевантны. Внушение в анализируемом материале базируется на латентности, асимметричном, субъект-объектном отношении адресанта и адресата, обращении к эмоциональной сфере последнего и его эмоциональном вовлечении в прошлое посредством включения концептуальной информации в эмоциональный подтекст, что способствует разделению адресатом предъявляемых вместе с содержанием смыслов как собственных. По сравнению с убеждением и в германских, и в российских СМИ внушение оказывается более эффективной, частотной формой воздействия; продуктивными способами при этом являются отождествление позиции адресанта и адресата, а также идентификация этноса с его традиционными представлениями и адресата.

Использование возможностей диспозиции при предъявлении образа прошлого базируется на разных

схемах выдвижения, акцентирующих содержательные элементы в соответствии с транслируемыми смыслами, что предполагает сгущение или избегание образительных языковых средств, использование сцепляющих элементов, градацию признаков, воспрепятствование автоматизму восприятия. Наиболее продуктивна схема выдвижения, использующая эффект неожиданности.

Количественный анализ контекстов германских СМИ свидетельствует: 1) о наибольшей релевантности негативной презентации прошлого ($\approx 44\%$), что указывает на преимущественное обращение к содержанию КП для формирования и трансляции адресату положительного образа настоящего, для обеспечения поддержки нововведений или легитимации современной власти; 2) о примерно одинаковой частотности стратегий отчуждающей ($\approx 30\%$) и позитивной презентации фрагментов прошлого ($\approx 26\%$) (цели: развитие, поддержание позитивной групповых, национальной идентичностей; предъявление оппозиционного отношения к современному порядку; деактуализация конфликтующих образов прошлого).

В российских СМИ релевантность стратегий негативной и позитивной презентации прошлого практически одинакова (≈ 42 и 39% соответственно), менее частотна деактуализирующая презентация прошлого ($\approx 19\%$). Сделанное наблюдение отражает большую амбивалентность оценок прошлого в данной лингвокультуре, актуальность для социума разнонаправленных действий: содействие консолидации нации и формирование позитивной картины настоящего с целью поддержания современного порядка.

Стратегии позитивной и негативной презентации прошлого в дискурсивных практиках СМИ Германии и России базируются на общих психологических и мыслительных механизмах и, соответственно, актуализируются схожим набором разнонаправленных тактик.

При негативной презентации прошлого в германских СМИ наиболее релевантны из тактик формально-логической аргументации тактики апелляции к авторитету ($\approx 17,1\%$) и апелляции к фактам ($\approx 12,38\%$); наименее – тактика логической аргументации ($\approx 4,76\%$). Из тактик психологической аргументации наиболее эффективны тактики апелляции к отрицательным образам и стереотипам ($\approx 15,2\%$) и апелляции к этическим доводам этноса ($\approx 15,2\%$); наименее эффективна тактика признания вины ($\approx 1,9\%$). Самые частотные композиционные тактики – насыщенное акцентирование ($\approx 28,6\%$), контрастирующее обрамление ($\approx 19,6\%$) и обман ожиданий ($\approx 15,2\%$); наименее частотна тактика рекуррентного акцентирования ($\approx 10,9\%$).

Актуализация стратегии позитивной презентации прошлого в германских СМИ характеризуется следующими параметрами: из тактик формально-логической аргументации наиболее релевантна тактика фактической аргументации ($\approx 10,8\%$); среди тактик психологической аргументации наиболее частотны утверждение ценности прошлого ($\approx 16,2\%$), идентификация ($\approx 13,5\%$), апелляция к этическим доводам ($\approx 12,6\%$), апелляция к положительному индивидуальному опыту адресата ($\approx 8,1\%$); наименее релевантна тактика ностальгической мифологизации ($\approx 6,3\%$).

Среди композиционных тактик наиболее часто используются тактики негативного контрастирующего контекстуального обрамления ($\approx 33\%$), насыщенного акцентирования ($\approx 19\%$); градации ($\approx 15,2\%$), обмана ожиданий адресата ($\approx 13\%$); наименее релевантна тактика рекуррентного акцентирования ($\approx 6,5\%$).

Таким образом, при предъявлении негативного образа прошлого в СМИ Германии важными оказываются последовательность и расширяющийся характер аргументирования; превалирует ситуация, когда адресат, в целом, разделяет позицию адресанта, но необходимо сформировать доверие адресата к адресанту. При формировании позитивного образа прошлого наиболее эффективным является дублирование воздействия (оценка настоящего и противопоставление прошлого настоящему).

Стратегия деактуализирующей презентации прошлого в германских СМИ преимущественно реализуется тактиками переноса акцента с события на его коммеморацию ($\approx 32,19\%$), морализующей интерпретации ($\approx 20,69\%$), обобщающей иллюстративной теоретизации ($\approx 18,4\%$); реже всего применяется дереализирующая анонимизация ($\approx 3,45\%$). Коммеморация обладает высоким манипуляционным потенциалом как инструмент селективного «менеджмента» прошлого и укрепления стереотипов коллективного сознания. При этом фрагмент прошлого фетишизируется, соотносится с искусственным носителем, не предполагает интериоризацию, а доступ к событию опосредуется. Дерезализирующая анонимизация формирует фаталистическую позицию, осложняющую выполнение воспитательной, обучающей, пропагандистской функций СМИ.

В российских СМИ при актуализации стратегий негативной и позитивной презентации прошлого наиболее релевантной тактикой формально-логической аргументации является тактика фактической аргументации (соответственно $\approx 44,5$ и $\approx 38,8\%$). При формировании отрицательного образа прошлого тактики апелляции к отрицательному коллективному / индивидуальному опыту адресата ($\approx 24,5\%$), идентификации с адресатом ($\approx 22,5\%$), описания неприятных последствий ($\approx 20,6\%$), апелляции к этическим доводам этноса ($\approx 19,3\%$) наиболее частотны среди тактик психологической аргументации. Наименее релевантна тактика утверждения необходимости вытеснения прошлого ($\approx 5,5\%$). Наиболее продуктивные композиционные тактики – нарушение ожидания ($\approx 27\%$), контрастирующее обрамление, обратная аргументация (по $\approx 17,3\%$) и рекуррентное аргументирование ($\approx 15,4\%$). Менее частотны композиционные тактики концентрированного аргументирования и расширяющейся, последовательной аргументации (по $\approx 11,5\%$).

При актуализации стратегии позитивной презентации прошлого в СМИ России регулярно используется тактика апелляции к авторитету ($\approx 37\%$). Психологическая аргументация преимущественно реализуется тактиками апелляции к этическим доводам этноса ($\approx 26,8\%$), утверждения ценности прошлого ($\approx 14,9\%$), идентификации ($\approx 13,4\%$), отрицания вины ($\approx 11,9\%$). Наименее релевантна при этом тактика ностальгической мифологизации ($\approx 6\%$). Среди композиционных тактик превалируют тактики негативного

контрастирующего контекстуального обрамления ($\approx 29,8\%$), обратной аргументации ($\approx 19,1\%$), обмана ожиданий адресата ($\approx 17,9\%$); наименее продуктивна тактика градации ($\approx 8,9\%$). При негативной презентации прошлого, таким образом, важно исходить из вероятной обратной позиции получателя сообщения и вызвать интерес адресата. При формировании положительного отношения к прошлому при доминирующей амбивалентности оценок у адресата значимым является дублирование воздействия на адресата и уменьшение дистанции между адресантом и адресатом.

Деактуализирующая презентация прошлого в российских СМИ реализуется, в первую очередь, тактиками морализующей интерпретации ($\approx 32\%$), метаисторической рефлексии ($\approx 24\%$), переноса акцента с события на его коммеморацию ($\approx 18\%$); наименее релевантны тактики дереализирующей анонимизации ($\approx 4\%$) и классифицирования ($\approx 8\%$).

Сопоставление полученных результатов анализа стратегийно-тактической реализации манифестации КП в двух лингвокультурах на материале СМИ указывает на наличие множества сходных закономерностей, базирующихся на общих принципах мышления и психологических механизмах: актуализация и инициация разделения амбивалентных оценок коллективного прошлого; наличие тенденций как к формированию ценностного отношения к прошлому, так и к десенсибилизации массового адресата по отношению к прошлым событиям; использование формально-логической и психологической аргументации при преобладании последней; реализация коммуникативного действия «управление»; использование схем выдвижения и высокая релевантность схемы выдвижения, нарушающей автоматизм восприятия; схожий набор аргументационных тактик; отражение интерпретативного и интенционального характера феномена КП.

Обнаруженные различия касаются степени релевантности выявленных стратегий и тактик. В отличие от манифестации функционирования КП в российских СМИ, в СМИ Германии преобладает установка на формирование отрицательной картины прошлого, что соотносится с концепцией «негативного национализма» [27], со стремлением официальной политики памяти в этой стране к переработке негативного опыта и устойчивых переживаний вины, к созданию современного позитивного образа нации для внешнего окружения. Менее частотны и при этом одинаково релевантны установки на поддержание позитивной групповых, национальной идентичностей или минимализация конфликтующих образов прошлого.

Анализ дискурсивных практик реактуализации фрагментов КП в российских СМИ указывает на такое существенное отличие от соответствующих практик в германских СМИ, как одинаковая релевантность установок на формирование позитивной и негативной картин прошлого, значительно меньшая релевантность деактуализирующей презентации прошлого.

Данные факты свидетельствуют: 1) об особенностях менталитета россиян, для которых прошлое неизменно вызывает двоякую (положительную и отрицательную) интерпретацию, о широкой распространенности в российском обществе феномена двоемыслия,

проявляющегося в одновременном господстве в сознании нескольких подходов к оценке важных проблем; 2) о более ярко выраженном эмоциональном индексе функционирования КП. При формировании ценностного отношения к прошлому в российских СМИ исходным посылом адресанта является предполагаемое наличие в сознании адресата амбивалентной точки зрения на события прошлого, что часто требует от адресанта дополнительных усилий при целенаправленной реинтерпретации содержания КП. К примеру, в отличие от германских СМИ, для СМИ России более частотным является обращение к рекуррентным образам как эффективному средству психологического воздействия, требующему, однако, очень тщательного отбора лексических средств. Психическое отношение «вина» также по-разному используется в дискурсивных практиках двух лингвокультур: для германских СМИ более типично обращение к чувству вины при формировании негативной картины прошлого, в российских СМИ – обращение к отрицанию вины при формировании положительной картины прошлого.

В отличие от германских СМИ формирование негативной картины прошлого в СМИ России базируется, прежде всего, на обращении к индивидуальному опыту адресата и идентификации с ним. При формировании положительного образа прошлого в обеих лингвокультурах доминируют этические доводы, указание на ценность прошлого и уменьшение дистанции между адресантом и адресантом. Выстраивая сообщения, немецко- и русскоязычные адресанты регулярно прибегают к противопоставлению; при этом в российских СМИ чаще используется нарушение читательских ожиданий или обратная аргументация (что связано с исходной установкой на амбивалентность оценок адресата).

4. Выводы. Результаты анализа указывают на общие характеристики лексико-семантической репрезентации памяти в немецком и русском языках, проявляющиеся во внутренней структуре организации подмножеств ГК; в общих элементах языковой модели памяти; схожей семантической схематизации представлений о мнемических процессах посредством концептуальной интеграции ментальной и физической сфер и трансформации отвлеченности собственных значений глагольного и именного компонентов; в асимметричности лексического представления данных процессов, отражающей их значимость для конкретной лингвокультуры; в преобладании пространственного, предметного и персонифицирующего тематических кодов в качестве сфер отождествления при номинации; в наличии серий ГК. Семантические и синтагматические признаки анализируемых ГК отражают характеристики элементов модели памяти, а прагматический компонент значения ГК – амбивалентность ценностного отношения к памяти русских и немцев. Выявленные различия касаются величины подгрупп ГК и степени семантической дифференциации признаков называемых ситуаций; активности ключевых слов в образовании серий ГК; релевантности тематических кодов; структурных и синтагматических признаков. Обнаруженные отличия указывают на значимость для русской лингвокультуры (помимо воспроизведения информации) ситуаций сохранения

информации в памяти, а для немецкой – ситуаций утраты информации в памяти; на большую значимость репрезентации признаков самого глагольного действия для немцев; на преобладающую интерпретацию операций памяти как активных действий или состояний субъекта и меньшую значимость квазиорганов памяти при ее представлении в русском языке.

Дискурсивная репрезентация КП в СМИ России и Германии также обнаруживает схожие закономерности: сочетание установок на формирование ценностного отношения к прошлому и его деактуализацию; манипулятивный характер воздействия и преобладание внушения в качестве его формы; схожий репертуар аргументационных и композиционных тактик; преобладание психологической аргументации; объективация амбивалентности аксиологического измерения памяти как интерпретативного, дискурсивного конструкта; доминирование при формировании положительного

образа прошлого апелляции к этическим доводам, указания на ценность прошлого и уменьшения дистанции между адресатом и адресантом; высокая релевантность схемы выдвижения «нарушение ожидания»; регулярное использование аргументационного потенциала противопоставления. Различия в частотности выявленных стратегий и тактик свидетельствуют об остающейся релевантной для немецкого социума ориентации на переработку негативного опыта, о конкуренции установок на поддержание позитивной национальной идентичности и на нивелирование конфликтующих образов прошлого; о распространенности в российском обществе феномена двоемыслия и высоком эмоциональном индексе функционирования КП, что обуславливает преобладание в российских СМИ обращения к индивидуальному опыту адресата и идентификации, большую частотность тактик нарушения читательских ожиданий и обратной аргументации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакиева Г.А. Философский анализ феномена социальной памяти : дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2001. 339 с.
2. Благутина В.В. Как устроена память? Системы памяти и их взаимодействие // La Recherche. 2009. № 7–8. URL: <http://www.inauka.ru/analysis/article96468/print.html>
3. Ревзина О.Г. Память и язык // Критика и семиотика. 2006. Вып. 10. С. 10–24.
4. Макаров А.И. Феномен надындивидуальной памяти: стратегии концептуализации и онтологический статус : дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2010. 38 с.
5. Шамне Н.Л., Ребрина Л.Н. Лингвистическая проекция категории памяти // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2013. Вып. 3. С. 14–112.
6. Бялек Э. Коллокация как единица перевода // Cuadernos de Russistica Española. 2004. № 1. С. 223–231.
7. Горина О.Г. Применение методов корпусной лингвистики для определения контекстно-специфических слов и коллокаций // Вестник Ленинградского государственного университета. 2011. № 3, т. 7. С. 27–36.
8. Хохлова М.В. Исследования лексико-семантической сочетаемости в русском языке с помощью статистических методов (на базе корпусов текстов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2010. 26 с.
9. Ягунова Е.В., Пивоварова Л.М. Природа коллокаций в русском языке. Опыт автоматического извлечения и классификации на материале новостных текстов // Сб. НТИ. Сер. 2. 2010. № 6. С. 30–40.
10. Hausmann F.J. Kollokationen im deutschen Wörterbuch: ein Beitrag zur Theorie des lexicographischen Beispiels // Lexicographie und Grammatik. H. Bergenholtz & J. Mugdan (Eds). Tübingen : Max Niemeyer, 1985. P. 118–129.
11. Дидковская В.Г. Системно-функциональное описание фразеологических сочетаний современного русского языка (на материале глагольно-именных сочетаний) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2000. 32 с.
12. Жакина Ю.С. Процессуальные фразеологизмы субкатегории деятельности : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курган, 2003. 23 с.
13. Chernyseva I.I. Feste Wortkomplexe des Deutschen in Sprache und Rede. M. : Высш. шк., 1980. 141 с.
14. Леонтьева Т.В. Интеллект человека в зеркале русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003. 24 с.
15. Shamne N.L., Rebrina L.N. Category of memory: principles of linguistic description // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2013. № 6 (7). P. 1085–1092.
16. Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации. СПб. : Изд-во Михайлова В.А., 2002. 461 с.
17. Адорно Т. Что означает «проработка прошлого» // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 40–41.
18. Кемеров В. Память коллективная // Философская энциклопедия. Лондон ; Франкфурт-на-Майне ; Париж ; Люксембург ; Москва ; Минск : Панпринт, 1998. 1064 с.
19. Karitzki O. Nation heißt sich erinnern. In: Erinnerung. Philosophische Perspektiven. München : Wilhelm Fink Verlag, 2004. S. 199–228.
20. Löffler H. Vergangenheit in mündlicher Überlieferung aus germanistischer Sicht. In: Vergangenheit in mündlicher Überlieferung. Stuttgart : Teubner, 1988. P. 100–113.
21. Ребрина Л.Н. Композиционные тактики негативной презентации коллективного прошлого в германских СМИ // Научный диалог. 2014. № 10 (34): Филология. С. 70–82.
22. Shamne N., Rebrina L., Petrova A., Milovanova M. Phenomenon of Memory and Category of Space: Gnoseological and Communicative Status // XLinguae. European Scientific Language Journal. 2014. Vol. 7, is. 3. P. 32–49.
23. Gugushvili A., Kabachnik P., Kirvaldize A. Collective memory and reputational politics of national heroes and villains // Nationalities Papers. 2017. P. 1–21.
24. Wylegała A. Managing the difficult past: Ukrainian collective memory and public debates on history // Nationalities Papers. 2017. P. 1–18.
25. Хазарегов Г.Г. Политическая риторика. М. : Никколо Медиа, 2005. 313 с.
26. Daft R.L., Lengel R.H. Organizational information requirements, media richness and structural design // Manag. Sci. 1986. Vol. 32. P. 554–571.
27. Müller-Funk W. Zur Narrologie des kulturellen und kollektiven Gedächtnisses. In: Geschichtsdarstellung. Medien – Methoden – Strategien. Bd. 6. Köln: Böhlau Verlag, 2004.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 6 июня 2017 г.

PATTERNS OF MEMORY REPRESENTATION IN LEXICAL-SEMANTIC SYSTEMS AND MASS MEDIA DISCOURSES OF RUSSIAN AND GERMAN

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 420, 66–73.

DOI: 10.17223/15617793/420/9

Larisa N. Rebrina, Volgograd State University (Volgograd, Russian Federation). E-mail: lnrebrina@volsu.ru

Anna A. Petrova, Volgograd State University (Volgograd, Russian Federation). E-mail: petrova.anna@volsu.ru

Keywords: verbal collocations; representation; memory; media discourse; image of past.

The article presents the results of the research involving two stages: 1) representation of memory by verbal collocations functioning in Russian and German media is studied; 2) manifestation of collective memory in media discourses of Russian and German with the aim of forming a value attitude to the collective past is analyzed. The article issue is related to cognitive, voluntant functions of the language, impact in mass communication, semantic scheming of experience, syntagmatic relations and meaning formation of lexical units. The applied communicative and functional approach provides paradigm formation of collocations in relation with consciousness and communication. Social, communicative, reconstructive, interpretative and ethnic and cultural nature of memory makes it possible to speak about universal and nation-specific patterns of memory representation in language and speech. The verbal memory collocations of Russian and German were selected by the method of associations from newspaper corpuses (Leeds University and DWDS). The key words of the semantic field “Memory” are substantive components denoting quasi-organs, corresponding abilities and objects of memory operations. The complex of semasiologically and onomasiologically oriented methods of analysis allows to obtain information about co-occurrence of structural, semantic and syntagmatic characteristics of collocations in the languages, semantic scheming of mnemonic processes, similar elements of the linguistic and mental memory model, semantic modeling, the asymmetry and axiological ambivalence of the lexical representation of memory processes. The image of the past sent by media to the mass addressee is determined by the actual society challenges and needs. It implies re-actualization and reinterpretation of the fragments of collective memory as well as certain strategies and tactics of composition and argumentation based on schemes of extension. Collective memory is a system of society activities on the symbolic reconstruction of the past as an object of moral reflection. Discursive manifestation of memory in both languages is characterized by similar patterns: combination of orientations on forming a value attitude to the past and its de-actualization, similar composition and argumentation tactics, manipulative effects of influencing the recipient with predominance of persuasion and psychological argumentation, the ambivalence of axiological approach as an interpretative construct. These means of influence aim to reduce the criticism of perception and analysis of the content distribution relevant to the addressee’s past and present. The article presents specific characteristics of lexical and discursive manifestation of memory in Russian and German.

REFERENCES

1. Bakieva, G.A. (2001) *Filosofskiy analiz fenomena sotsial'noy pamyati* [Philosophical analysis of the phenomenon of social memory]. Philosophy Dr. Diss. St. Petersburg.
2. Blagutina, V.V. (2009) Kak ustroena pamyat'? Sistemy pamyati i ikh vzaimodeystvie [How is memory arranged? Memory systems and their interaction]. *La Recherche*. 7–8. [Online] Available from: <http://www.inauka.ru/analysis/article96468/print.html>.
3. Revzina, O.G. (2006) Pamyat' i yazyk [Memory and Language]. *Kritika i semiotika – Criticism and Semiotics*. 10. pp. 10–24.
4. Makarov, A.I. (2010) *Fenomen nadyndividual'noy pamyati: strategii kontseptualizatsii i ontologicheskoy status* [The phenomenon of supra-individual memory: conceptualization strategies and ontological status]. Philosophy Dr. Diss. St. Petersburg.
5. Shamne, N.L. & Rebrina, L.N. (2013) Lingvisticheskaya proektsiya kategorii pamyati [Linguistic projection of the memory category]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie – Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics*. 3. pp. 14–112.
6. Byalek, E. (2004) Kollokatsiya kak edinita perevoda [Collocation as a unit of translation]. *Cuadernos de Russística Española*. 1. pp. 223–231.
7. Gorina, O.G. (2011) Primenenie metodov korpusnoy lingvistiki dlya opredeleniya kontekstno-spetsificheskikh slov i kollokatsiy [Application of methods of corpus linguistics for determining context-specific words and collocations]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3 (7). pp. 27–36.
8. Khokhlova, M.V. (2010) *Issledovaniya leksiko-semanticheskoy sochetanosti v russkom yazyke s pomoshch'yu statisticheskikh metodov (na baze korpusov tekstov)* [Studies of lexico-semantic compatibility in the Russian language with the help of statistical methods (on the basis of text corpuses)]. Abstract of Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
9. Yagunova, E.V. & Pivovarova, L.M. (2010) Priroda kollokatsiy v russkom yazyke. Opyt avtomaticheskogo izvlecheniya i klassifikatsii na materiale novostnykh tekstov [The nature of collocations in the Russian language. The experience of automatic extraction and classification on the material of news texts]. *Sb. NTI. Ser. 2*. 6. pp. 30–40.
10. Hausmann, F.J. (1985) Kollokationen im deutschen Wörterbuch: ein Beitrag zur Theorie des lexicographischen Beispiels [Collocations in the German dictionary: a contribution to the theory of the lexicographical example]. In: Bergenholtz, H. & Mugdan, J. (eds) *Lexicographie und Grammatik* [Lexicography and grammar]. Tübingen: Max Niemeyer.
11. Didkovskaya, V.G. (2000) *Sistemno-funktsional'noe opisanie frazeologicheskikh sochetaniy sovremennogo russkogo yazyka (na materiale glagol'no-imennyykh sochetaniy)* [System-functional description of phraseological combinations of the modern Russian language (on the basis of verb+noun combinations)]. Abstract of Philology Dr. Diss. St. Petersburg.
12. Zhakina, Yu.S. (2003) *Protessual'nye frazeologizmy subkategorii deyatel'nosti* [Procedural phraseological units of the subcategory of activity]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kurgan.
13. Chernyeva, I.I. (1980) *Feste Wortkomplexe des Deutschen in Sprache und Rede* [Solid word complexes of German in language and speech]. Moscow: Vysshaya shkola.
14. Leont'eva, T.V. (2003) *Intellect cheloveka v zerkale russkogo yazyka* [Intellect of man in the mirror of the Russian language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Ekaterinburg.
15. Shamne, N.L. & Rebrina, L.N. (2013) Category of memory: principles of linguistic description. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 6 (7). pp. 1085–1092.
16. Sokolov, A.V. (2002) *Obshchaya teoriya sotsial'noy kommunikatsii* [General theory of social communication]. St. Petersburg: Izd-vo Mikhaylova V.A.
17. Adorno, T. (2005) Chto oznachaet “prorabotka proshlogo” [What the “study of the past” means]. *Neprikosnovennyi zapas*. 2–3. pp. 40–41.
18. Kemerov, V. (1998) Pamyat' kolektivnaya [Collective memory]. In: Kemerov, V.E. (ed.) *Filosofskaya entsiklopediya* [Philosophical Encyclopedia]. London; Frankfurt; Paris; Luxembourg; Moscow; Minsk: Panprint.
19. Karitzki, O. (2004) Nation heißt sich erinnern [Nation is called to remember]. In: *Erinnerung. Philosophische Perspektiven* [In remembrance. Philosophical perspectives]. Munich: Wilhelm Fink Verlag.
20. Löffler, H. (1988) Vergangenheit in mündlicher Überlieferung aus germanistischer Sicht [Past in oral tradition from a Germanist perspective]. In: *Vergangenheit in mündlicher Überlieferung* [The past in oral tradition]. Stuttgart: Teubner.
21. Rebrina, L.N. (2014) Kompozitsionnye taktiki negativnoy prezentatsii kolektivnogo proshlogo v germanskikh SMI [Compositional tactics of negative presentation of the collective past in the German media]. *Nauchnyy dialog*. 10 (34). pp. 70–82.
22. Shamne, N., Rebrina, L., Petrova, A. & Milovanova, M. (2014) Phenomenon of Memory and Category of Space: Gnoseological and Communicative Status. *XLinguae. European Scientific Language Journal*. 7 (3). pp. 32–49.
23. Gugushvili, A., Kabachnik, P. & Kirvalidze, A. (2017) Collective memory and reputational politics of national heroes and villains. *Nationalities Papers*. 45:3. pp. 1–21. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/00905992.2016.1261821>
24. Wylegala, A. (2017) Managing the difficult past: Ukrainian collective memory and public debates on history. *Nationalities Papers*. 45:5. pp. 1–18. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/00905992.2016.1273338>
25. Khazagerov, G.G. (2005) *Politicheskaya ritorika* [Political rhetoric]. Moscow: Nikkolo Media.
26. Daft, R.L. & Lengel, R.H. (1986) Organizational information requirements, media richness and structural design. *Manag. Sci.* 32. pp. 554–571.
27. Müller-Funk, W. (2004) Zur Narrologie des kulturellen und kollektiven Gedächtnisses [On the narrology of cultural and collective memory]. In: *Geschichtsdarstellung. Medien – Methoden – Strategien* [History. Media – Methods – Strategies]. Vol. 6. Köln: Böhlau Verlag.

Received: 06 June 2017